

Владимир Яковлевич

КАМАРИНСКОЯ

Владимир Рачев

КАМАРИНСКАЯ

Стихи

Средне-Уральское
Книжное Издательство

Свердловск, 1967

7-4-2
64-65-67 (M)

Черный сок

**Земля кругла, как бочка,
Экватор — обручок.
Проткни ее чуточек —
И брызнет черный сок.**

**Хозяюшка лесная —
Тюмень, открывши дно,
По кружкам разливает
Древнейшее вино.**

О соловьях

Под Тюменью поют соловьи —
Азиатское, древнее, звонкое племя.
В каждом клювике щелк, в каждом горлышке
свист,
Мастерство вековых поколений.

В тальниках, у деревни моей,
Табор жарких страстей соловьиного быта.
Здесь живет мой крылатый дружок соловей,
Голосистый лесной композитор.

А окрест — соловееет трезвоном земля,
У озер многоструйных и пресных
Нячат все соловьи свои соловьят,
Соловьи-мужики сочиняют любовные песни.

А зимой, начиная торговые дни,
Улетают в заморские страны артисты.

Там, на птичьих базарах, меняют они
На сибирскую трель аравийские свисты.

О, возьми меня, друг, на базарный сезон!
Где рулоны рулад, филигранные трели...
Только вам не велит соловьиный закон...
И вчера соловьи улетели.

●

Забыли все о соловьях...
Фонтаны черных струй.
А это ж — родина моя,
Мой чистый поцелуй.

О, берегите свист и трель,
И птицу на лету,
В озерах — рыб, в лесах — зверей,
И в сердце — доброту.

Я одет по-модному с виду,
Телом все же и гол и бос,
И невидимой пуповиною
Я к деревне своей прирос.
Лишь петух прокричит с забора —
Мир раздастся во все концы.
Все забыв, оседлав, пришпорю
Батькин кругленький мотоцикл.
Я гоню лошадиные силы
И, загнав, роняю в песок,
Чтобы память моя крутилась
Мотоцикловым колесом.
Чтобы в сердце крутился тайный
Юный диск — восемнадцать лет,
Распечатывались печали,
Как раскрытый в уме куплет.
Чувства в памяти искупаю,
К ним прилип березовый лист.

И наматываю на палец
Длинной лентой веселый свист.
Я опять молодой и здоровый.
В рощу девушка позовет...
Хороша трава — да отава.
Соловей поёт — да не тот.

Машины шлепают в обувках.
Все в панцирях, как черепахи,
У них рефлекс — по тропке бутовой.
Я ж босиком и без рубахи.
Я обнажаю чувства воле.
Хочу — целую в нос букашку.
Хочу — бодаюсь головою
С головкой девичьей ромашки.
Ты, муравей, попотчуй квасом.
Ты, клеверок, медком полакомь.
А в черной луже головастик
Растет в лягушку, чтобы квакать.
Пырей пыряет и щекочет...
Мир ощущаю, обоняю.
Я через поры все и щели
Духами, светом наполняюсь.
Я облучаюсь птичьим свистом.
Свои инстинкты проверяю.

Спускаюсь в глубь реки за истиной,
Но никого не покоряю.
Эй, глупый жук!.. О, извините...
Я пальцем бабочку не трону.
Иду. Не солнышко в зените —
На голове моей корона.

Камаринская

**Звуки плачут! Звуки пляшут высоко,
Фейерверком вырываясь из веков.
Пляшут в зареве крестьянских «петухов»,
Пляшут в пламени Октябрьском — моряком.**

**Не на стругах мы взлетели, не со струн —
В небо, в небыль нас возносит бунт.
Но в победах мы не бросили костру
Балалайку — вещей музыки сестру.**

**Ой, замается ль, не замается
Прибаутчик и говорун!!
Бойко спрыгивает камаринский
С балалаечных струн.**

**Пробегаются-потешаются,
Лапоточками мельтеша.**

И — заламывается шапка.

И — распахивается душа.

Это разом восторг и разум

Свищут саблю над плечом.

Подбоченясь, хохочет Разин,

Усмехается Пугачев.

Многострунность и многолюдность,

Выкомаривай, возноси!

Пусть срывается с сердца удаль

И разносится по Руси!

Колдунья

Не старуха она стогодовая,
А солдатка она бедовая.
И колдует чарами поздними.
Улыбнется — по сердцу звон.
И уходят мужья серьезные
К ней ночами от честных жен.
Бабы маются — вот беда!
Да увечат сердца обидою.
Рвет она не мужей, а дань
За любимого, за убитого.
Канет месяц. Взойдет подковой.
Кто-то ахнет из женщин снова.
Хороводятся небылицы
Сельской улицей до милиции.
Даже рук ее славу стойкую
Нарекли: колдовство — и только.
Я не песенник, не судья.
Да об этом ли беспокоюсь!
Непорочная Русь моя
Не рассталась еще с войною...

Пока не звенькало весной

Пока не звенькало весной,
Я жил в себе самим собой.
Я сам себе — просторный дом.
Шершавый стол — моя ладонь.
Вокруг ума, как у огня,—
Шесть чувств притихших, бесенят.
Но слышу звон — колокола:
Весна нам солнышко снесла!
Оно разбилось — треснул гром.
Стучится клювиком — дождем.
Я глянул утром за порог —
Птенцом топорщится лужок.
По кругу купольной черты —
По горизонту ходишь ты.
Я стал себе не по себе.
И захотелось мне к тебе,
Где красят красные цветы,
Где голубые голубят...

По горизонту ходишь ты...
И тут я вышел из себя.
Не чую ног: уж я — не я.
Я сам себя не узнаю.
Ты манишь пальчиком меня
На горизонтовом краю.
«Ну чей же ты! Ты сам не свой.
Никак не мой, совсем чужой».
Бегу к себе, в себя, как в дом,
Здесь думы мрачные кругом...
Мне здесь без голоса кричать,
И, плача, боли укачать.

Мадонна

**Ты не гожа в мадонны:
Ты ж Степанова дочка.
Ты, дружок, заведена
На крутом кипяточке.**

**Ну, не будь же задирой,
Все равно, безусловно,
Ты из лучшего в мире —
Немужского сословья.**

**Говорят, вас когда-то
По ночам воровали.
Говорят, вас когда-то,
Как рабынь, продавали.**

**Но ведь были извечно
Вы сословьем великим,
На коленях стояли
Мы у ваших калиток.**

**Так зачем же унынье...
Ах, какой ты ребенок!
Будешь зваться отныне
Только, только мадонной.**

Стояли чувства, как вода,
а под водой — мои невода,
а у воды — голосов толчея,
а в неводах — мала ячея,
а над водой — переспевший зной,
а я молодой еще водяной,
а я шепну тебе на ушко,
а я поманю тебя лопушком,
и наготовой осыпая зной,
ты бросишь тело ко мне на дно,
и будет встреча бедой беда,
и будешь рвать мои невода.
Не верь, что мышцы твои сильны,
поверь, что косы твои длинны.
И ты, как рыба, в моих руках,
и пена волн на твоих сосках,
обволоку я тебя, как дым.
О, не шути с молодым водяным!

И юлила в тувельках стопанных,
И форсила в платьице штопаном,
И замучила парня лучшего,
Выкамаривая, выкаблучивая.
И подшучивал я над лучшим,
И с укором резонил парня:
Хохотучая да вертучая,
Эх, позарился на базарную!
Годы, годы — твои ступеньки,
И прозрачна ты, и легка.
И какая ж теперь степенная
Ты, жена моего дружка.
Вот и я. Объяехал Россию.
Помолчим на ступеньке дня.
Уж прости, что тебя бесил я,
Говорят, ты любила меня...

На Ямале

Мне белы снега до пояса.
Уж рукой подать до полюса.
А над тундрю — сто крестов.
К ним вовек не придет Христос.
И ершистые да звездастые
Десять памятников молчат.
Сторож — ветер, седой и властный,
Прогоняет меня ворча.
Ты не суйся, ветер, не суйся...
Было время — и были судьи.
Изломали в осколки судьбы,
Как фарфоровую посуду.
Вот и здесь залегла на поле
Тень усатого старика.
Аж до самой до точки полюса
Простиралась его рука.
Монумент бы тут горю горькому.
Но не так на Руси повелось:

Сыновья от горя не горбятся —
Горы ломают, ломая зло.
Не пойду я за белые холмики:
Я нашел его, Полюс холода.
Он сияет звездой nelaковой.
Он ожогом в сердце горит.
Посылать ли кликуш и плакальщиц —
Запоздалый истошный крик!!
Ухожу, снегами поскрипывая.
Ухожу... только память вскрикивает.

Уезжаю

Уезжаю. Вдрагивает поезд.
И дома качаются, как гуси.
Только травы грустные по пояс.
Только солнце жмурится над Русью.

Уезжаю. Из тепла, из дружбы.
Пятачком кладу мою жилплощадь.
Чьи глаза вдали меня окружают!
Я входил в зеленые, как в рощу;
Через синие и голубые
Я входил, усталый, в души к людям.
Все они доверчивыми были,
Только узнавали — я откуда.
Мы в камин слова сухие клали.
А потом беседу разжигали.

Согреваюсь. Мысли разубаю —
Сапоги снимаю я тяжелые.

**И босой на цыпочках гуляю
По душе, как в комнате по полу.**

**Души чистые, обставленные сложно,
Души скромные и души — залы.
И истоптанные временем и ложью...**

Уезжаю, люди, уезжаю.

Мед изобрели пчелы

**Мед изобрели пчелы.
Яд изобрели змеи.
Скряги создали черствость.
В каждом сидит уменье.**

**Уважаю тревоги сильных,
Гордость слабых, печаль неверных.
И влюбленных трепет невинный.
И хочу быть сам человеком.**

**Уважаю мудреца за мудрость.
Уважаю дурака за дурость.
Но нас без ножей зарежут
Вежливые невежи.**

**Мысли берут в ладони,
Целуют, гладят и вертят.
А пользу — цедят на донышко.
А год не стоит за дверью.**

**Дом, пузырем надутый
Вежливостью, как газом,
Где тут засела дума!
Где тут прыгает разум!**

**Стать бы мальчишкой-жиганом.
Каждый надутый дом
Прокалывать, будто шину,
Ржавым гвоздем.**

Песня о Джинне

Философы, как дети,
Играют сотни лет:
Живет ли бог на свете,
Иль бога вовсе нет.

И духов заклинали
С бездонной старины,
Чертями и богами
Леса заселены.

А мы своей дружиной
Нашли большого Джинна
В Сибири под землей,
Не далеко, не близко,
Богат, как князь сибирский,
И в шубе голубой.

Однажды пробку вышиб
И вышел — чудеса!

И вынес нашу вышку,
Как ангел, в небеса.
Мы укротили Джина,
Сказали «не сучай!»
И крутит он турбины,
И греет бабкам чай.

Плевали мы на бога!
Пошла такая жизнь...
Добыть денюжат немного
Поможет славный Джин.
И мы давно не дети,
Не нужен нам секрет,
Живет ли бог на свете,
Иль бога вовсе нет.

Ведь мы своей дружиной
Нашли большого Джина
В Сибири под землей,
Не далеко, не близко,
Богат, как князь сибирский,
И в шубе голубой.

Чеканщик

Я честный чеканщик в азартный момент
Строчки чеканю позвонче монет.
Минута — серебряник, час — золотой.
Все даром дарю их одной молодой.

Чеканю, чеканю — она не берет.
Ну что ж, я их завтра пущу в оборот!
Папаше — с ладони смолистый дом,
Как царская шапка над нашим селом.
Братишке — пяток беззаботных годков.
И — праздничный стол для сельчан-мужиков.

А годы на годы, виток на виток.
На крашенный запад и пестрый восток.
Чеканю, чеканю — хвалит народ.
Прощай, продавец! — ничего не берет.

Смзется папаша: топор да ладонь —
Уж домик построен, и в печке огонь.

**Братишка в солдатах — не модник, не мот:
Казенная форма — без лишних забот.**

**Я гостем иду к мужикам по селу.
Пузатая кружка идет по столу.
На кой же мне строчки менять на рубли!
Берите стихами, люди земли!**

Содержание

Черный сок	5
О соловьях	6
Забыли все о соловьях	7
Я одет по-модному	8
Машины шлепают в обувках	10
Камаринская	12
Колдунья	14
Пока не звенькало весной	15
Мадонна	17
Стояли чувства, как вода	19
И юлила в туфельках стоптанных	20
На Ямале	21
Уезжаю	23
Мед изобрели пчелы	25
Песня о Джине	27
Чеканщик	29

Фалей Владимир Михайлович
КАМАРИНСКАЯ

Художник Я. Мельник. Редактор З. Михеева. Художественный редактор Я. Черников. Технический редактор Т. Меньщикова. Корректор Т. Копыркина.

Сдано в набор 9/VI 1967 г. Подписано к печати 31/VIII 1967 г. Уч.-изд. л. 0,64. Усл.-печ. л. 0,93. Бумага литографская. Формат 60×84¹/₃₂. ИС 17976. Тираж 10000. Заказ 325. Цена 9 коп.

Средне-Уральское Книжное Издательство,
Свердловск, ул. Малышева, 24.
Типография изд-ва «Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

2 коп.

**СРЕДНЕ-
УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЕРДЛОВСК, 1967**